

В ту ночь наследный принц распорядился заменить всех слуг в Восточном дворце.

Особенно тех, кто служил рядом со спальней — их убрали полностью.

Теперь, кроме командира гвардии, никто не мог приблизиться без личного приказа наследного принца.

На следующий день во Восточный дворец пришёл императорский указ: Цзян Шэнь назначается ответственным за проведение весеннего экзамена.

Хотя формально он полностью отвечает, на деле вопросы составляет и проверяет академия Ханлинь.

К этому моменту экзаменационные темы уже определены.

Цзян Шэню нужно будет лишь утвердить результаты после проверки бумаг и возглавить следующий этап испытаний.

Поэтому до начала весеннего тура у него оставалось несколько относительно свободных дней.

От нечего делать он проводил время, гуляя по дворцу вместе со своим маленьким лисом.

За несколько дней Цзян Шэнь понял: даже если бы юноша не раскрыл уши и хвост в ту ночь, он всё равно скоро бы это заметил.

Потому что он никогда не видел маленького оборотня, который настолько плохо умеет прятать свою истинную форму.

То хвост высунет во сне.

То уши появятся, когда он испугается.

А уж когда он рад — хвост вообще начинает вилять так, что видно даже в полусвете.

Настоящий щенок.

С каждым днём в императорском саду становилось теплее, весна входила в силу.

В полдень Цзян Шэнь стоял у искусственного озера и смотрел вверх — на персиковое дерево у воды.

— Ты спускаешься? — спросил он.

На озере дул сильный ветер, и одежда сидящего на верхушке дерева юноши развевалась, как знамя.

После возвращения во дворец Цзян Шэнь первым делом велел найти лучшие ткани и сшить Ли Жуаню новые одежды.

Юноша любил красный цвет — и этот цвет ему очень подходил.

Ярко-красный весенний наряд делал кожу ещё белее.

Но он терпеть не мог носить слишком много одежды.

Когда Цзян Шэнь вышел из дворца утром, он надел на юношу лёгкую накидку, чтобы тот не простыл на ветру.

А тот снял её тут же и небрежно бросил в объятия Цзян Шэня.

Если бы строгие старшие служанки увидели это, они бы наверняка зашипели о нарушении всех дворцовых правил.

Правда, только за глаза.

А Цзян Шэнь уже привык.

Из-за того что маленький лисёнок постоянно то и дело показывал хвост или уши, он давно перестал брать слуг с собой на прогулки.

Теперь всё делал сам.

За эти дни почти весь дворец узнал: наследный принц привёз юношу из-за пределов дворца — и балует его так, как никто никогда не видел.

— Дай ещё немного посмотреть, — сказал Ли Жуань, сидя на ветке и глядя на озеро. — Здесь самое красивое место.

Цзян Шэнь вздохнул:

— Но ты сидишь там уже очень долго. Разве не голоден?

Он и правда был в отчаянии.

Этот маленький оборотень сам не понимал — лис он или щенок.

Каждый день до краёв наполнен энергией.

Стоит Цзян Шэню отвернуться на миг, как тот уже исчезает...

А потом оказывается на дереве.

И, как всегда, без обуви — с ветки он сидел и болтал босыми ногами, сбросив обувь куда-то вниз.

— Наверное, чуть-чуть голоден... — Ли Жуань потер живот и протянул руки: — Тогда поймай меня.

И, сказав это, просто отпустил ветку и прыгнул вниз.

Цзян Шэнь испугался, бросился вперёд, готовясь поймать падающего юношу — но тот упал мягко, легко, почти невесомо.

Цзян Шэнь принял его в руки.

Тот оказался лёгким, тёплым, благоухающим свежими персиковыми цветами.

Юноша обвил рукой его шею, улыбнулся и спросил:

— На обед будут сладости?

Цзян Шэнь:

— Будут. Если хочешь.

Цзян Шэнь не поставил его на землю: он прямо на руках отнёс его в беседку и усадил, после чего вернулся, чтобы поднять обувь, упавшую на землю.

Наверное, из-за того, что юноша всё ещё сохранял привычки расы оборотней, он совершенно не любил носить обувь. По дворцу он был готов бегать босиком, и даже выйдя наружу, не хотел надевать обувь, поэтому Цзян Шэнь сначала упорно пытался уговорить его.

— Сейчас по утрам и вечерам всё ещё холодно. Легко простудиться, если будешь ходить без обуви, — сперва убеждал он так.

Но это не подействовало.

Юноша послушно соглашался, а спустя немного времени всё равно делал по-своему — бегал босиком, будто и не слышал.

Цзян Шэнь не знал, могут ли оборотни простудиться, но он несколько раз трогал его ступни — они были холодные.

Тогда он сформулировал иначе:

— Ты же собираешься растить малыша, да? Если холод попадёт в тело, это повлияет на плод.

В тот момент юноша стоял босиком на холодном полу спальни, лёжа на столе и наблюдая, как Цзян Шэнь работает. Услышав это, он тут же подобрал ноги и забрался к Цзян Шэню на кресло.

— Это серьёзно? — Он обвил руками шею Цзян Шэня и встревоженно спросил: — Он тогда вырастет?

Кресло было широким — места хватило бы и на двух взрослых мужчин, а юноша был худеньким. Цзян Шэнь легко подхватил его, погладил по голове и, подыгрывая, сказал:

— Может, и вырастет. Тогда будут проблемы.

— Да, если не вырастет, будет большие неприятности... — Юноша искренне переживал.

В общем, с того дня Ли Жуань наконец начал слушаться уговоров Цзян Шэня и больше не ходил босиком.

И сейчас тоже — он сидел в беседке и прилежно ждал. Ждал, пока Цзян Шэнь подаст ему обувь, аккуратно наденет её, после чего встал.

Он уже хотел что-то сказать, но вдруг почувствовал что-то, обернулся и посмотрел в сторону за пределами беседки.

Цзян Шэнь проследил за его взглядом и увидел, что кто-то идёт к ним издали.

Причём не один — людей было много.

Во главе шёл молодой человек в придворной форме. Он был ещё совсем юн, и по чертам лица был немного похож на Цзян Шэня. За ним следовала многочисленная свита.

Цзян Шэнь взял Ли Жуаня за руку и ждал в беседке. Когда люди подошли ближе, молодой человек впереди первым заметил его и сразу шагнул вперёд.

— Я подумал, кто это здесь. Оказалось, Его Высочество наследный принц. — Юноша поклонился и сказал: — Давненько мы не виделись. Надеюсь, Ваше Высочество в добром здравии.

— Это ты, четвёртый, — сказал Цзян Шэнь. — Когда вернулся в столицу?

Юношу звали Цзян Хэн — четвёртый принц, единственный сын наложницы Шу, заведующей делами гарема.

Цзян Хэн был на несколько лет младше Цзян Шэня, и хотя лишь год назад сдал экзамен, в его поведении уже чувствовалась некоторая зрелость. Он женился очень рано, поэтому из всех принцев покинул дворец первым. Сейчас у него уже несколько детей.

Недавно говорили, что отец наложницы Шу был нездоров, и Цзян Хэн уезжал погостить у её родни, поэтому в столице его давно не было.

Так что Цзян Шэнь не видел его уже больше полугода.

— Вернулся только вчера. Сегодня вот пришёл поклониться матушке и отцу, — сказал Цзян Хэн. — Жаль, матушка сегодня прислуживает у отца. Говорит, что я мозолил ей глаза, и выгнала меня. Я решил прогуляться по императорскому саду... и не ожидал встретить здесь старшего брата. И...

Он вдруг посмотрел за спину Цзян Шэню, взгляд стал живее:

— Это что, будущая невестка?

Пока они говорили, Ли Жуань всё это время стоял спокойно за спиной Цзян Шэня. Когда Цзян Хэн упомянул о нём, он высунул голову из-за плеча Цзян Шэня и послушно поздоровался:

— Четвёртый принц, здравствуйте.

— Ну и красавец, — улыбнулся Цзян Хэн. — Слышал, что Его Высочество ездил в храм предков и привёз оттуда ослепительную красоту. Думал, слуги преувеличивают. Теперь вижу — всё правда, имя оправдано.

Цзян Шэнь слегка нахмурился и чуть сдвинулся, заслоняя Ли Жуаня.

То, что Цзян Хэн так смотрит, не удивительно. Этот человек наследовал красоту своей матери, благородной наложницы Шу, и женщины полукняжеских семей сходили по нему с ума. Сам же он был известным распутником: ещё до женитьбы умудрился переспать с несколькими девушками из знатных домов, и те забеременели. Наложница Шу, глядя на его распушенность, добилась для него брака, надеясь, что это его остепенит.

Очевидно — не остепенило.

Цзян Хэн тоже понял, что был немного груб, сухо покашлял и отвёл взгляд:

— Привычка такая... вижу красоту — ноги сами несут. Простите, старший брат.

Цзян Шэнь не стал его упрекать и спокойно спросил:

— Что тебе нужно?

Цзян Хэн опешил:

— Почему же Его Высочество так говорит?

— Это место далеко и от дворца отца, и от покоев благородной наложницы Шу. С чего бы тебе просто так оказаться именно здесь? Или ты настолько скучаешь, что решил прогуляться до Холодного Дворца?

Цзян Шэнь специально увёл Ли Жуаня в более тихие места, чтобы их никто не тревожил. Чуть дальше по дорожке действительно начинался Холодный дворец. И всё равно их нашли.

Но кожа у Цзян Хэна толстая, он даже не смутился, лишь усмехнулся:

— Давно не видел старшего брата, вот и пришёл. Я заказал у поварни обед, не соблаговолите ли почтить меня своим присутствием?

Цзян Шэнь на миг задумался:

— А сахарные лепёшки будут?

Цзян Хэн на секунду растерялся:

— М-м... может и нет?

— Пусть приготовят. — Цзян Шэнь взял Ли Жуаня за руку и подчеркнуто сказал: — Невестка любит сладкое.

Цзян Хэн: —...

Поскольку до Восточного дворца было далеко, Цзян Шэнь не стал возвращаться и согласился на обед. Цзян Хэн выбрал уютную беседку у воды и заранее всё приготовил.

Он услужливо налил вина:

— Брат, это сливовое вино из родного дома моей матери. Привёз специально для вас. Невестке тоже налить?

Сказав это, он плеснул немного и Ли Жуаню.

Как только вино оказалось в чаше, в воздухе распространился густой кисло-сладкий аромат зелёной сливы. Ли Жуань потянулся понюхать, но пить не стал — он ещё ни разу не пробовал алкоголь.

Цзян Шэнь тоже не стал пить. Сначала положил Ли Жуаню горячую сахарную лепёшку, а затем спокойно произнёс:

— Говори, что хотел.

На лице Цзян Хэна улыбка чуть померкла.

Сейчас в беседке были только они трое — он не брал с собой слуг. Цзян Хэн мельком посмотрел на Ли Жуаня. Цзян Шэнь сразу предупредил:

— Если не хочешь говорить — можешь молчать.

— Нет-нет, скажу! — Цзян Хэн поднял руки, будто сдаваясь. Он тяжело выдохнул. — Брат, клянусь всем на свете, я не причастен к делу в храме предков! Ни малейшего! Если я лгу — пусть больше никогда не увижу ни одной красавицы!

Ли Жуань поднял голову, удивлённо моргнув.

Неужели четвёртый принц связан с пожаром в храме предков?..

Цзян Шэнь никогда раньше такого не говорил.

— Это не имеет к тебе никакого отношения? — Цзян Шэнь улыбнулся. — Но ведь министр Министерства промышленности — твой тесть, не так ли?

Было установлено, что масло, которым Ли Хунчжун развёл пожар, — это то самое, что раньше исследовало Министерство промышленности, а наложница Цзян Хэна была дочерью министра этого министерства.

— Я знаю, но подумай сам, брат, насколько ценна эта сырая нефть, во всём министерстве едва ли найдётся несколько бочек, — сказал Цзян Хэн. — Даже если бы я действительно хотел что-то сделать с тобой, зачем мне использовать настолько очевидный приём? Разве это не выглядит так, будто ты сам себе ищешь неприятности?

Когда весть о поджоге родового храма дошла до Цзян Хэна, он спокойно находился у себя дома. Услышав, что дело может быть связано с Министерством промышленности, он так перепугался, что не смог уснуть и ночью помчался в столицу.

Цзян Хэн слышал о методах, которыми Его Высочество наследный принц расправился с третьим принцем. Поэтому последние несколько дней он жил в страхе: боялся, что если вернётся слишком поздно, Цзян Шэнь решит, что поджог устроил он, и пришлёт людей обыскивать его особняк.

Пробираясь день и ночь, он наконец добрался до столицы только вчера.

С горестным лицом Цзян Хэн сказал:

— Брат, я и правда не осмелился бы причинить тебе вред. И трон мне не нужен — зачем мне всё это?

Цзян Шэнь не поддался на его слова и велел подавать еду Ли Жуаню.

— Ты не хочешь быть императором — а твоя наложница разве не хочет?

Цзян Хэн замолчал.

Он снова налил себе вина, на этот раз с куда большей серьёзностью:

— Но мне всё же кажется, что это не в её стиле.

Цзян Шэнь поднял взгляд:

— Тогда на кого же это похоже?

— Не знаю, у меня нет такой головы, — признался Цзян Хэн. — Во всяком случае, я только хочу спокойно прожить последние несколько лет в столице, а когда отец даст мне удел, уеду туда с женой и дочерью наслаждаться жизнью.

Он поднял бокал, легко стукнулся бокалом с Цзян Шэнем и угодливо улыбнулся:

— Брат, я же говорил — я могу развлекаться с красавицами, но в такие дела меня не впутывай.

Цзян Шэнь посмотрел на бокал перед собой, наконец улыбнулся, поднял его и выпил.

— Я никогда в тебе не сомневался, не волнуйся, — сказал Цзян Шэнь. — Добывать сырую нефть очень трудно, а её перевозка требует огромных усилий. Министерство промышленности ведёт учёт каждой приходящей и уходящей бочки. Я отправил людей проверить — за последнее время ничего не пропало.

Другими словами, те, кто поджёг родовой храм, не получили нефть из Министерства промышленности.

Цзян Хэн облегчённо выдохнул:

— Я знал, что брат слишком умён, чтобы оклеветать честного человека.

Цзян Шэнь проигнорировал эту лесть и не стал продолжать разговор на эту тему.

Обед наконец вернулся в русло обычной семейной трапезы.

Поев и выпив, Цзян Хэн собирался покинуть дворец и ушёл первым.

Ли Жуань посмотрел ему вслед и только тогда расслабил напряжённые в присутствии чужого человека нервы:

— Неожиданно, что у четвёртого принца такой характер.

Цзян Шэнь:

— Какой?

— Он не похож на члена императорской семьи, — сказал Ли Жуань. — И не выглядит особо

умным.

Цзян Шэнь хотел спросить, не считает ли Ли Жуань таким же и самого себя.

Он улыбнулся и сказал:

— Дело не в том, что он глупый — он слишком умный.

Его хитрость в том, что он заранее вышел из борьбы за престол, и в том, что надел маску распутника, чтобы мудро защитить себя. Честно говоря, он куда умнее третьего принца.

Ли Жуань такого не понимал, но умел оставлять непонятные вещи в стороне и не забивать себе голову.

Цзян Шэнь спросил:

— Ты наелся?

— Да, наелся, — взгляд Ли Жуаня упал на стоявший перед ним бокал вина.

Сливовое вино было действительно ароматным — словно только что сорванный с ветки фрукт, от запаха которого текли слюнки. Но Ли Жуань никогда раньше не пил алкоголь и не знал, что с ним будет, если он выпьет, поэтому при четвёртом принце не решался даже прикоснуться к бокалу.

Цзян Шэнь сказал:

— Пей, сколько хочешь. Это всего лишь бокал вина, ничего не случится.

С первого дня, как он вошёл во дворец, юноша строго сдерживал своё слово: не доставлять Цзян Шэню никаких проблем и не делать ничего, что могло бы причинить ему вред.

Точно так же и сейчас — в присутствии четвёртого принца он был тихим, почти не произнёс ни слова. Только когда оставался с Цзян Шэнем наедине, он становился расслабленным и живым.

Иногда Цзян Шэнь находил его таким милым, что сердце невольно сжималось. Всё-таки дворец и правда наложил на него какие-то оковы.

Поэтому, когда они оставались вдвоём, Цзян Шэнь старался дать ему возможность расслабиться и делать всё, что он хочет.

Услышав слова Цзян Шэня, глаза Ли Жуаня вспыхнули, он поднял чашку и пригубил.

Во рту — сладковато-кислый вкус, действительно как у свежей сливы.

Ли Жуань так полюбил этот вкус, что задрал голову и опрокинул вино залпом.

Цзян Шэнь повернул голову и посмотрел на него:

— Ну как? Вкусно? Голова кружится?

— Не кружится.

Ли Жуань поставил чашку, почувствовав, что её мало, и потянулся за кувшином, который оставил Цзян Хэн.

Но, протянув руку, он его не достал.

— Эм? — Ли Жуань наклонил голову, не понимая, почему не может дотянуться до стоящего прямо перед ним кувшина, и снова потянулся.

Он чуть не потерял равновесие, и Цзян Шэнь поспешно поймал его, прижав к себе.

Щёки юноши стремительно покраснели. Он в растерянности смотрел на Цзян Шэня:

— Цзян Шэнь, почему ты стал... двумя?

Цзян Шэнь: ...

Это сливовое вино было не крепким. Он думал, что бокал ни на что не повлияет, но кто же знал, что этот человек опрокинет его одним глотком?

— Хватит пить. Пойдём, я отведу тебя...

Но не успел Цзян Шэнь договорить, как на голове юноши мигом выросла пара звериных ушей.

Что-то мягкое коснулось его руки — он опустил взгляд и увидел пушистый лисий хвост, обвившийся вокруг его запястья.

Цзян Шэнь открыл рот:

— Ты...

Юноша, кажется, даже не замечал происходящих с ним перемен, и глуповато улыбался Цзян Шэню:

— Что со мной?

Цзян Шэнь вздохнул, взял лежавший рядом плащ и крепко закутал мальчишку.

Он поднял юношу на руки и уже собирался встать, как вдруг раздался лёгкий хлопок — и его руки внезапно опустели.

Мальчик исчез, а на пол плавно опустился тонкий плащ, посередине которого что-то заметно шевельнулось.

Цзян Шэнь присел и осторожно поднял ткань.

Под ней, свернувшись, лежал маленький красный лисёнок — тихий, спящий, похожий издалика на пушистый ярко-алая клубочек меха.

Цзян Шэнь:

— ...

Он пожалел. Не стоило говорить, что от одного бокала ничего не будет.

Похоже, ничего оказалось слишком большим.

<http://bllate.org/book/14444/1277248>